

ДЕНИС ДАВЫДОВ

CORE_PROCESSOR_1

NEURAL_PATHWAY_B

КОНТУР

NEURAL
STRUCTURE

CORVEASAN

NEURAL_STATE

LEUDRANTELE

CORE_PROCESSOR_1

BRAIN LEFT

MAIN BRAIN

NEURAL_LKTURE

CLEUNWEAD

NEURAL_PATHWAY_B

DATA_TRANSFER_PROTOCOL

technical user manual

CLASSIFIED

SYSTEM MANUAL: OPERATIONAL PROTOCOLS

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ENCE ID: 7734-KNT

Инструкция по эксплуатации

18+

Денис Давыдов

**Контур: инструкция
по эксплуатации**

«Автор»

2026

Давыдов Д.

Контур: инструкция по эксплуатации / Д. Давыдов — «Автор»,
2026

Виктор знал правила системы, но решил нарушить главное из них. Один неверный шаг превращает его в мишень для тех, кто держит в руках нити управления реальностью. Удастся ли ему вырваться из замкнутого круга, или система поглотит его без остатка? Погрузитесь в мрачный и заволаживающий мир цифрового контроля, где напряжение нарастает с каждой страницей, а финал невозможно предугадать.

© Давыдов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Денис Давыдов

Контур: инструкция по эксплуатации

Глава 1

Глава 1. Письмо

Среди квитанций за свет и воду в ящике одного из подъездов некоего жителя лежал изрядно помятый клочок бумаги. На нём был текст, напечатанный будто бы на печатной машинке 30х годов — слегка неровные буквы, чуть смазанная краска, бумага цвета выцветшей сепии, шероховатая и плотная:

Индекс: к08/Контур. Доступ ограничен. Назначение системы: управление информационным потреблением и поведенческими паттернами пользователей. Выявление контекста, сущности и ценностного ориентира потребления отдельных социальных групп. Зона развёртывания: ноосферный контур. Охват — полный, включая все звенья передачи и восприятия информации. Инфраструктура: распределённые датацентры, узлы ретрансляции, пользовательские устройства. Обслуживание осуществляется в штатном режиме. Сбоев, влияющих на общую эффективность, не зафиксировано. Методы воздействия:

генерация коротких видеоматериалов;

фрагментация внимания;

внедрение рекламных стимулов на периферии восприятия;

поддержание состояния пониженной физической активности. Период внедрения: с начала интернетэпохи (2000е годы). Текущий статус — активная эксплуатация. Контрольные показатели:

уровень вовлечённости — стабилен;

длительность удержания внимания — в пределах нормы;

отклонения компенсируются алгоритмически. География: крупнейшие города — полный охват; периферийные зоны — в стадии донастройки. Экономическая функция: интеграция в действующую модель потребления. Обслуживание пользовательского спроса через управляемые стимулы. Совместимость: все основные типы устройств (персональные компьютеры, мобильные телефоны и др.). Ограничений не выявлено. Примечание: пользователь рассматривается как элемент системы. Индивидуальные особенности учитываются в рамках типовых поведенческих моделей.

История Виктора

Виктор недавно переехал в Петербург. Этот город хорошо ложился на его сетчатку души — серый, промозглый, временами солнечный, но не до конца понятный. Родом он был из обычного провинциального городка, где текла размеренная жизнь со своими типичными радостями. Нередко по прошествии лет он вспоминал свой дом, те места, где частенько делал пейзажные зарисовки. Тогда он был студентом, мечтателем, часто не совпадающим со своим временем и поколением. Работа в родном городе не давала значительных перспектив. Закончив творческий вуз и уже предполагая, что искусство постигла безвременная кончина, он понимал: эта профессия, скупко обозначившаяся как «художник-живописец», не прокормит его в ожидаемой перспективе. Однако на масштаб города были возложены надежды. В должности какого-нибудь декоратора в местном ДК быть не хотелось. И решение о переезде было однозначным. Наскоро собравшись, он отправился в путь.

Сегодня, год или два спустя, он возвращался домой на одной из последних электричек, и его ждал нехитрый поздний ужин — холодная яичница и кофе, который он по старой привычке выпивал перед сном. Было поздно, но, как всегда, каждый вечер легонько шуршал компьютер,

а на кухне — кот. Этот домашний мир оставался его личным стабильным островом тишины на фоне повседневного лязга города и навязчивого ритма, набрасывавшегося на него каждое утро по пути на работу. В этот час он бессмысленно смотрел в монитор, просто разглядывал заставку, а затем переводил взгляд в окно. За стеклом горел жёлтый, тёплый свет, почемуто напоминавший ему о лучшем времени в жизни — творческой студенческой молодости с запахом масляной краски, пленэры, простая свободная жизнь, полная личных творческих поисков и глобальных юношеских трагедий. Старые зарисовки, наброски хранились на пыльных шкафах — он давно к ним не прикасался: ни к рисункам, ни к шкафам. В вечерней сигарете он медленно завершал свой день, обдумывая следующий.

Утро: кот по обыкновению будил его жалобным мяуканьем. Виктор всегда запирает его ночью на кухне, чтобы тот не бегал по всей квартире, устраивая свой личный кошачий Диснейленд.

Наступивший день расстелился по улицам солнечно. Волочащиеся потоки людей лениво и тускло брели на свои работы, угрюмые лица шли вереницей до электричек. Если бы снимали чёрнобелую кинохронику, было бы атмосферно. Контраст забавный: солнце и мороз по коже от предстоящей пытки. Каждый хотел бы, чтобы этот день поскорее закончился. Виктор смутно представлял себе всю прошедшую неделю, будни — серый фон: сообщения в рабочей группе, бестолковые тренинги по технике продаж, обещания больше не опаздывать. Эта возня потихоньку встраивалась в ритм жизни, оседая в душе илом скуки. В окнах электрички проносились дома и отодвинутая на дальний план природа. Профильные специалисты в оранжевых жилетках обслуживали бесконечный недострой бетонной эпохи. Сегодня пятница — финишная прямая, нужно было выстрадать её до конца.

Душный офис компании, занимающейся строительным оборудованием, как всегда, был полон: зуд голосов осыпал пространство кабинетов, стекло и бетон не добавляли никакого уюта. Такая вот тюрьма — рыбки, аквариум и кофейный корм. «Вот бы вся эта стеклянная история дала трещину», — подумал Виктор. Хватило бы одного брошенного камня. Всё вдрызг безги.

День не спешил радовать Виктора скоростью течения минут. Коллеги настойчиво делились, безусловно, важными мыслями и новостями: обсуждали насущные и глобальные вещи — кто с кем и что пил, футбол, сравнение смартфонов. То, что звучало в курилке, было нарочито житейским, простым, бытовым жанром повседневной жизни:

- Серёг, ну ты б хотя б живот втянул, пузо вываливается уже, хватит пиво бухать!
- Да мне похер, вчера вон лигу смотрел, опять ставка в очко улетела.
- А я тебе говорил, что шляпа это всё с этой твоей командой.

Типичный рабочий день — никаких формальных изменений. Как всегда, было давяще: каждый предмет интерьера говорил тебе прямо: «Я — часть той силы, что зовётся рутиной». О, безумие: каждый день ты снова на одно лицо. Лёгкая мигрень и плохой сон смазывали способность детально всматриваться в рабочие процессы, хотелось домой и спать. Виктор стал шарить в недочитанных электронных книжках: классические художественные романы, какие-то аудиокниги, подкасты... Один из них его увлёк:

«Современность загружает каждого дешёвым эйфоретиком и одновременно разгружает от важного, играет в поддавки с фокусом внимания, очерчивает некий предусмотренный контур. Контекстная реклама, брошюры о турах, шрифты в заголовках, подборки книг о саморазвитии дополняли этот маковый сон при физически открытых глазах. Стеклянный взгляд типичного покупателя Шестёрочки ищет продукт по цвету, а не по вкусу и составу».

Конец рабочего дня — ещё одна сгоревшая спичка в урну. Виктор закурил на остановке, просто не думая ни о чём. Только фоновый шум в голове и настойчивая мысль: а что, если это всё в действительности долбаный изолятор с надсмотрщиками? Так однообразно всё. Надоело. Я просто тело, слоняюсь от дома до работы. Деньги? На что мне деньги, если я на них не

могу купить себе настоящую радость? Вместо этого я беру очередную порцию заменителя, в крайнем случае, можно было сбежать. Но куда? И на что?

Ночь была беспокойной. Сны обрывочные, фрагментарные: фразы, голоса, стопкадры картинок, пазлы из воспоминаний — всё смешивалось в неразборчивый гул. Проснувшись, он уселся и смотрел на стену. Звук хруста кошачьего корма понемногу отрезвил восприятие и вернул к жизни: предстояли выходные. Привычная проверка почты, масса сообщений: от игровых новостей о выходе очередных патчей до скидок на маркетплейсах; писем из Нигерии не наблюдалось. Решив поворошить спам, Виктор с недоумением прочёл письмо:

«По лязгу интернетцепи мы определили твою породу, дали арендовать собственную жизнь и даже удобным способом заставили заплатить за отпущенное время. Эта пьянящая свобода: можешь выбирать способ выжить — что есть, что пить, во что одеваться. Но жить — это что-то внутри, и на этом поле мы построим массу отвлекалочек, зажжём огоньки, нажмём нужные кнопки. Радость ведь в самых сущих мелочах, в какой-нибудь яичнице с кофе. Спи.

Искусственная нехватка базовых ресурсов должна подогреть тебя, чтобы плотно взаимодействовать с твоими банковскими приложениями, подтолкнуть к участию в акциях, скидках и бонусах. Твоя внутренняя жизнь для нас — особая забота: такой ценный ресурс нельзя упускать из виду. Мы определили тип и динамический рисунок твоих нейронных связей, продали тебе твою же мечту, которую сами заботливо вложили тебе в голову в виде ценной идеи, якобы случайно пришедшей на ум, но это сказка о морковке и осле. Бета — каротин полезен. Мы заботимся о тебе.

С большим и пламенным приветом, твоя Корпорация. P. S. Хороших выходных. Отдыхай».

Виктор перечитывал снова и снова это письмо. Чай уже давно стал ледяным, он потерял ощущение реальности. Кому понадобилось писать столь глупую кальку с какого-то современного социолога? Да и каким образом мысль о выходных так удачно совпала с фактической действительностью? Быть может, обилие гаджетов вокруг фактически считало его: пульс, калории, ежедневный маршрут и шаги, его разговоры, электрический ритм мозга, считанный, скажем, на рамке металлодетектора. С этими мыслями он медленно сполз со стула и поплёлся на кухню. Кот навязчиво путался в ногах, да так, что Виктор чуть было не споткнулся, с раздражением фыркнув на глупое животное, по всей вероятности, требовавшее своего законного корма.

Глава 2

Глава 2. Кинотеатр

Он не прекращал думать по поводу письма: кто его написал? Почему оно попало в спам? Совершенно неясны были цели и задачи этого опуса. Видимо, рекламщику стало или очень весело, или он решил таким оригинальным способом заявить о своём увольнении. Выпив уже третью кружку кофе, судорожно вспомнив про остатки еды, он понемногу начал приходить в себя, скармливая измученному организму остаток органики.

Спустя некоторое время, отдышавшись от чьих-то паров злой иронии, план действий был очевиден и прост: Виктор решил отправиться в кинотеатр «Свобода». Это модное место, где всегда новый, актуальный фильм на повестке современности — очередной блокбастер, кассовый гигант. Мысль о том, что письмо и остальные артефакты этого дня были лишь чьейто злой шуткой, казалась ему вполне обоснованной, так что собирался он бодро, да и название кинотеатра ему нравилось. Бегло одевшись — толстовка, джинсы и кеды с тремя полосками, — он направился на улицу. Подъезд пропитался характерными ароматами, лампочка перегорела (или выкрутили), так что это фактически было спуском в аидово царство. День обещал быть неплохим.

Внутри кинотеатра было темнее, чем обычно бывает в подобных местах: тусклый свет софитов у кассы, плотная бордовая тональность интерьера. Кассирша была на редкость приятной и добродушной девушкой: светлые волосы, ярко покрашенные губы. Ей нравилась её работа. Он выбрал свой фильм.

В зале не было ни одного человека. Духота, запах затхлого воздуха. Ища в полутьме свой ряд и место, он то и дело спотыкался об углы. Наконец, усевшись на своё восьмое место, он с большим предвкушением плюхнулся в кресло. Выдохнул. С минуту было тихо, пыль подсвечивалась в свете тусклых ламп. Наконец, на пустом чёрном экране появился текст:

«Виктор, рады видеть Вас в кинотеатре Свобода! Корпорация Контур была создана с целью контроля и развлечения в сфере информации. В ноосфере мы контролируем каждое звено информационной цепи. Наши технологии внедряются с начала интернетэпохи. Все точки информационного питания находятся под контролем, ведётся сбор и обработка данных. Рекламные стимулы формируют поведенческие модели. Система интегрирована во все устройства... И, несомненно, в этом есть и ваша заслуга.»

Виктор, не обижайте кота, он милый!»

Он резко дёрнулся со своего места, но тело плохо его слушалось. Липкая жара нагнетала учащённый пульс, Виктору стало не по себе, озноб сковал его тело, и он попытался к выходу. Дверь не поддавалась. Он пробовал выбить её, но та даже не шелохнулась. Он окончательно устал. Опершись спиной к двери, он медленно скатился на пол, капли пота выступили у него на лбу. На экране поползли фрагменты его жизни, его студенческих лет, записи с камер наблюдения, то, как он пытается пробить пакетик кошачьего корма, но у него не выходит. Он с ужасом вспомнил, что его кот Швепс остался один в квартире.

Финальные титры:

«Объект оповещён. ЧСС: 142/мин. Тремор конечностей — подтверждён. Диагностика: паническая атака, стадия пиковая. Разблокировка двери: 97,4 %. Расчётное время до открытия: 10:00. Рекомендация: продолжить наблюдение.»

Полоска с оставшимся временем очень медленно таяла, от пота футболка буквально прилипала к телу. Звучала какая-то нейтральная, фоновая музыка, наподобие той, что слышишь в торговых центрах. Ощупывая руками пол, его равнодушную металлическую плитку, он судорожно пытался понять: какого хрена вообще происходит? Становилось дурнее, он погружался в темноту сознания, растворялся в ней.

Это был, возможно, самый тяжёлый сон в его жизни. Наблюдая себя в странной, неестественной позе, он вытащил руку изпод бока: бедняжка безнадёжно затекла. За окном был ливень. Глаза открывались очень медленно, они изрядно налились остатками тяжелого сна.

Глава 3

Глава 3. Пробуждение

Ощувив холодный пол, Виктор кашлянул кудато в пустоту. Нужно было встряхнуться, понять, что это вообще было. Сон был реальнее, чем чайник, которому давно место на свалке. Настолько детализированный кошмар трудно было представить. Больше не хотелось лезть в почту и убеждаться в том, что это письмо реально существует. Суббота, покой, нужно было занятие. Лёгкая дезориентация в пространстве: два шага вперёд — и Виктор на коне. Апокалипсис откладывался. Он решил предпринять уже реальную попытку побега из своего убежища на свежий воздух, тем более что ливень уже прошёл.

Сон понемногу начал становиться прозрачнее. Засунув руку во внутренний карман куртки, он обнаружил, что там, где-то на дне, шелестит подобие не то чека, не то какого-то билета. Не придав должного значения этому, он не стал выковыривать правду на свет: возможно, это очередной атрибут повседневности. Обдавало свежестью. Виктор решил пойти в сторону набережной, высмотреть на Неве что-то новое, забывая понемногу о старом. Плеск воды, декорации города: исторический центр, адмиралтейский шпиль, открыточная эстетика. Жизнь кипела.

Однако в словах письма Виктор припоминал вещественную, въедливую истину о том, что он — некий объект, что им действительно манипулирует индустрия, которая заставляет его расточать своё время и свою жизнь ради глобального благополучия. Сцены сна всплывали, медленно и тихо въедались в подкорку. Через фильтры солнцезащитных очков проступали кусочки текста, они проявлялись понемногу: сквозь обстановку, прогуливающих, разговаривающих ни о чём, слова становились плотью, тканью — где он просто биомеханика в искусном поле иллюзий, дающих право быть их воплощением, инструментом, элементом. Ему представлялся бесконечно огромный маховик, безжалостно, постоянно раскручивающий сцену повторения тупика. Ад — это когда снова одно и то же. Одни и те же слова, позы и «привет, коллеги», а то, чего не хотелось бы менять, хрупко, зачастую ускользает. Скудное всегда стабильно прилипает, как туалетная бумажка к ноге офисного туалета.

Прогулка продолжалась. Среди прохожих навстречу шёл человек в салатовой футболке, он раздавал флаеры. В руки Виктора попала цветастая бумажка: «Если Вам всё надоело, и Вы устали, попробуйте послушать живую музыку в нашем баре Точка кипения, и все Ваши тяжёлые мысли растворятся. Доступные цены, в меню Вы можете найти всё — и яичницу тоже». Виктор сразу подумал: «Сон продолжается».

Он начал вглядываться в рекламный буклет: теперь ему был интересен не сам текст, но и колорит, дизайн, шрифты. В этом всё он искал сообщение, скрытый смысл. Он ощупывал флаер, пытаясь понять состав бумаги, текстуру. Это был листок формата А6, бумага — шероховатая, стиль шрифта — что-то из 30х, 40х. Кажется, в эту игру он не играл. А что, если это просто набор совпадений?

Во что бы то ни стало Виктор решительно захотел пойти в указанный бар, тем более что любопытство было всё сильнее. Особенность этого места была в том, что бар открывался в позднее вечернее время, а о его существовании Виктор не знал до этого дня.

Неон вывески не был акцентирован. Вместо указанного на флаере названия по указанному адресу он обнаружил другое, совершенно иное по смыслу: на вывеске значилось «ArchiTect of meaning». Оно грело тёмносиним светом окружающий ровный асфальт. Виктор оценил это название как говорящее. Стеклопанная двойная автоматическая дверь, за ней пахло строгой прохладой, что нетипично для подобного заведения. С холодком по коже он вошёл внутрь. Барная стойка была похожа больше на пульт управления, чем на то, чем должна быть. Строго очерченные контуры, бутылки расставлены симметрично, даже люди были композици-

онно рассажены по местам. Музыка и вправду была живой. Она шевелилась, лилась, прилипала к слуху. Музыканты были тонки, почти просвечивали; казалось, они тут не один день без еды и света, кожа их была бледной, но музыка была их плотью. Слегка вытянутые по пропорциям инструменты, футуристичные, тонко металлические, подчёркивали минимализм заведения.

Виктор сел за барную стойку. Официант смотрел на него так, будто запрограммированно ждал именно этого посетителя. — Спрошу у Вас формально, как обычно спрашивают: что будете пить? — Обычно всё иначе, предлагают меню, а Вы указали на формальность, странно. — У нас концептуальное заведение, пейте вволю, мы генерируем своё радушие для Вас.

Бармен выглядел опрятно: идеальный пиджак, запонки с буквой V. Виктор решил пить виски. Свет в баре поменялся на чуть более приглушенный и слегка исказился в тоне, как только он сделал первый глоток. Кажется, он даже не обратил внимания на эту, в сущности, случайную мелочь, и неспешно продолжил свой ритуал. Нужно было ощутить тяжесть своего тела, вес стекла в руке, темного, дымного, дорогого и холодного. Выпить достаточно, чтобы усилить притяжение земли, ощутить ногами жизнь. Усталое любопытство текло теплотой в жилах. Сквозь мутноватость он смотрел на полуживых музыкантов, которые были суть смычки, и не понимал: в конце концов, я ж не в матрице какой-то, это глупо как-то, все глупо и смешно.

Глава 4

Глава 4. Отклик

На телефон Виктора пришло уведомление: «Оцените место ArchiTect of meaning. Оставьте отзыв для будущих посетителей». Он был уже достаточно подвыпивший, чтобы ехидно усмехнуться. Недолго думая, поставил три звезды за «эмпатичное» обслуживание.

Бармен бесшумно оказался рядом.

— Надеюсь, шум мегаполиса остался за дверью. Позвольте предложить ещё один бокал?

— Продолжим на этой ноте. Кстати, что играют ваши музыканты?

— Ничего особенного. Современный дарк-джаз. Сейчас он в моде. Особенно среди тех, кто считает себя достаточно одиноким для этого вечера.

Последнюю фразу он произнёс без тени иронии, словно озвучивал статистику.

Бармен поставил бокал на прежнее место. Лёд занимал почти ту же позицию, что и в предыдущем. Виктор поймал себя на нелепой мысли, что даже температура содержимого совпадает до градуса.

«Экая невидаль, — мысленно усмехнулся он. — Подумаешь, удачное совпадение. Это я уже начинаю выискивать закономерности. Всегда был таким: где-то дорисую, где-то притяну смысл, где-то отброшу лишнее. Художник всё ещё сидит во мне, просто давно не берёт в руки кисть».

В дымном полумраке бара он заметил ещё одного посетителя. Через секунду поправил себя: посетительницу. Она выглядела по-офисному деловито: ровный пробор, волосы, собранные в пучок, чуть измятая рубашка. Эта лёгкая небрежность не нарушала цельности образа, а, наоборот, придавала ей достоверности, была в этом лице эстетика усталого человека, прожившего слишком длинный день. Казалось, что она давно изучила здесь каждый угол и приходила сюда не впервые.

Виктор отметил одну деталь, почти неуловимую, но тут же попытался отогнать легкую тревогу. Мало ли. Может быть, здесь все постоянные посетители похожи друг на друга своими привычками. Что-то вроде сознательного отбора — не персонала, а людей — обычных клиентов. В это место случайно не попадешь, оно концептуально настолько, что задает параметры всему, до чего дойдет технологическая оснащенность. В конце концов, он сам годами пил кофе перед сном, запирал кота на кухне и ходил одной и той же дорогой до электрички — это шаблон, обычный рисунок дня. Набор действий, бытовое ежедневное безумие, упакованное в привычку.

Сквозь холодную, медленную музыку он смотрел на её ровное, чуть усталое лицо: пепельные волосы, тонкие нервные губы с едва заметной полуулыбкой, серые глаза, будто слишком долго всматривавшиеся в одну и ту же жизнь. Она села чуть поодаль; расстояние в два стола позволяло наблюдать её, не привлекая внимания.

В её лице было что-то странно знакомое. Алкоголь давал лишние блики и отражения, рассеивал внимание, но одно ощущение оставалось отчётливым: она смотрела так, словно знала расположение его внутренних комнат души. Будто бесшумно спускалась в подвалы его памяти и выводила на свет всех чёрных кошек.

Его пробирал холодок — и восхищение. Она то смотрела на него, то отводила взгляд, а затем медленно встала из-за столика и подошла ближе.

— Вижу, скупаешь. Как тебе это местечко?

— Нашёл на флаере. Решил испытать на прочность и себя, и город, — Виктор качнул бокал, не сводя с неё глаз. — Мне не скучно. Просто лицо такое. А ты какими судьбами здесь?

— Бываю. Время от времени, — она слегка повела плечом. — Захожу послушать музыку. Она здесь... немножечко другая.

— Да, — согласился он тихо. — Наводит на размышления.

Виктор внимательно вглядывался в её жесты и микрореакции, пытаясь зацепиться хоть за что-то. Но её движения были безупречно выверенными, а в самой загадочной манере держаться не было ни единой бреши — никакой зацепки, хотя бы намёка на то, чтобы разгадать её до конца.

— Если бы ты нашла загадочное письмо в ящике, которое объяснило бы тебе тихое безумие того, что происходит, что бы ты подумала? — спросил Виктор, поглядывая на уже опустевший бокал.

Она чуть усмехнулась, будто зная, что ей зададут этот вопрос.

— Тогда задам тебе встречный вопрос: зачем кому-то объяснять это безумие, если оно и так очевидно? — незнакомка бросила уверенный взгляд.

Затем она полезла в карман своей черной сумочки, достав оттуда визитку. Она была из твердого крафтового картона. На ней был только QR – код.

- Перейди по ссылке, как говорится, думаю, мне уже пора. — Она легко улыбнулась, внимательно, но не очень настойчиво смотря на него.

С легким чувством недоумения Виктор посмотрел ей вслед. Она не оборачивалась, когда уходила. Стеклопанная автоматическая дверь распахнулась, и она ушла в дождь. Виктору была любопытна эта девушка,

Во всем двойственность: сон и явь, женщины — тоже двойственны, не зря реальность — женского рода, — подумал Виктор. И этот сон, почему он был настолько вещественным, осязаемым? Кинотеатр. Быть может, на том свете и есть такой, который все нам покажет.

Глава 5

Глава 5. Возвращение

Виктор остался сидеть за своим холодным мраморным столиком. Виски был допит, лёд растаял, оставив небольшую холодную лужицу. Визитка лежала перед ним прямоугольным вызовом. Но Виктор решил вызвать такси и повременить с информацией на картонке. Было поздно. Дома ждал его любимый питомец, голодный и разговорчивый.

Он расплатился по счёту с барменом; музыка стала ещё тише, свет — ещё чуть темнее.

— Если планируете оставить чаевые, то тут к такому не привыкли. Лучшие чаевые — ваше время, мы рады продуцировать смыслы. Благодарим за посещение.

— Простите за глупый вопрос: когда появился этот бар, кто его открыл?

— А это — визитная карточка нашего заведения — никто никогда не знает. Хорошего пути домой.

— Спасибо, я всё же сказать могу, — выдохнул уставший Виктор.

Такси приехало вовремя. У водителя Никиты был рейтинг 4,96. Повезло, подумал Виктор.

Грузный мужчина за пятьдесят медленно заезжал во двор. В его оплывшем, ленивом взгляде читалась богатая история жизни с открытым финалом. Не вдаваясь в подробности, Виктор сел в старенький седан. Внутри, однако, всё было вычищено до больничного блеска. Ёлочка давала еле уловимый приятный аромат свежести. Водитель посмотрел в зеркало заднего вида — прямо в глаза Виктору — казалось бы, понимающе.

Уточнив адрес, таксист не спеша тронулся с места по указанному маршруту. Путь занимал около шестнадцати минут, поэтому можно было взять в руки смартфон. Листая ленту новостей, он увидел рекламу этого бара. Видеоряд был в лучших традициях нуарного кино, а героиня была очень похожа на ту девушку, с которой он так удачно познакомился. Ролик завис на самом интересном месте, а палец на экране беспомощно чертил пустоту. Таксист приметил этот факт.

— Что, друг, интернет барахлит? — спросил с заботой водитель.

— Да сегодня вообще день ни к чёрту: странно всё как-то закрутилось, завертелось, — ответил Виктор, еле соображая после изрядного количества виски.

— Это точно, закрутилось, — хриловато отозвался Никита, не сводя глаз с дороги и мерно перебирая пальцами руль. — Сейчас везде так. День сурка на максималках. Люди куда-то бегут, воют за пиксели, лайки эти дурацкие зарабатывают. А жизнь-то мимо течёт, пока они в экран пялятся. Недавно вот вообще одну историю видел: про одну волонтершу. Кота уже третьему хозяину передавала, снимает грустные ролики о том, что к коту плохо относились, туда-сюда, в комментариях вообще смерти желают, а он-то такой шуганный — видно ж, что к людям не привыкнет особо. И дело не в хозяевах, только к этой самой волонтерше более-менее. Людям повод дай свои зубы показать, звереют сейчас многие, хуже этого кота, лезут с дивана на ринг.

— Эх... а мой кот тоже случайно прибил. Взял его — жалко стало. Теперь вот верный товарищ, — сказал Виктор с лёгкой светлой грустью. — Думаю, хайпится эта самая любительница кошек.

— У самого двое бедолаг, — чуть с шутливой иронией отозвался Никита.

— А по поводу этого всего... люди ищут хайпу, ищут одобрения, скорее всего. Та волонтерша, наверное, думала, что она добрее всех на свете. Тыкала на кнопку, записывала, снимала очередное видео — и уже особо не смотрела, что происходит с котом. Главное — успеть показать, какая ты хорошая.

— Главное — успеть показать, какая ты хорошая, — неожиданно повторил Никита с усмешкой.

— Так и создаются иллюзии: ведь человеку что нужно? Почувствовать себя тем самым защитником любой ценой. Даже не разбираясь в сути происходящего, не оценивая и, в общем-то, не думая, — добавил Виктор.

— Так и чёрта защищать можно, думая, что ты — воитель добра, — ответил таксист.

Усмехнувшись, он увидел, как фары ослепительным светом облепили стены давно знакомого дома. Виктор поднял глаза и заметил: в его окне почему-то горел свет. В окне вырисовывался силуэт кота. Швепс был голоден. Виктор расплатился с таксистом наличными.

— Давно я налички не видел, — улыбнулся Никита.

— В век высоких технологий хотя бы деньги должны быть живыми, — ответил Виктор.

Он аккуратно закрыл дверь машины, будто бы хотел сохранить гармонию со вселенной. Контуры дома, казалось, таяли в воздухе, дверь подъезда неохотно обнаруживала себя в жёлтой полутьме. Нашарив в кармане ключи, он приложил чип к домофону. Дверь открыта. Виктору показалось смешным его лицо в камере видеорегистратора.

Подъём по лестнице в полутьме полуживых лампочек — отдельный вид эквилибристики. Цепко хватаясь за перила, Виктор ос

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.